

Лимонов Э.

Лев Толстой: писатель для хрестоматий

Есть анекдот: в эпоху диссидентства мать, чтобы заставить сына прочесть «Войну и мир», перепечатала книгу на машинке. Думаю, что привлекательность шестой слепой копии на самом деле не подвигнет современного юношу на чтение этой тяжелой многотомной конструкции. Литература вообще стареет. И нужно плюнуть в лицо тем абсурдообожателям литературных памятников, тем уродам, кто утверждает, что понимает и получает наслаждение от чтения «Божественной Комедии» Данте в примерном переводе профессора Лозинского. Стареет литература стремительно, а особенно постарела дофрейдская литература. Именно тогда произошло резкое деление: дофрейдская и послефрейдская литература. Новая европейская литература: Селин, Миллер, и это не случайность, родилась в 1932–1933 годах, тогда именно, когда современный мир абсорбировал Фрейда, независимо от того, читали ли труды Фрейда Селин или Миллер. Старения избежали безусловные гении: Бодлер, Бальзак, творцы вневременные, а вот поденные чернорабочие литературы пострадали очень.

«Война и мир» большая халтура, задуманная как эпопея о Брежневе «Малая земля», или как она там называлась. Интересно, что написана «Война и мир» примерно в тот же период, когда Достоевский объявил Пушкина национальным гением. Нужно было иметь национального гения, положение цветущей империи обязывало, и необходимо было иметь национальную фреску, эпопею. Как героически мы защищались от французского нашествия. Добавив модного тогда (но самую чуть-чуть, малость) натурализма — светские господа у Толстого говорят по-французски, Толстой, с божьей помощью, приступил. И слепил халтуру, такую же халтуру, как второй михалковский гимн для второго Совдепа г-на Путина. Ведь роман — одно сплошное общее место. Карикатурные гусары, светская молодежь — Долохов — полудикие и провинциальные, карикатура и Пьер Безухов — как характерный актер из советского фильма, толстый, очки. Наташа Ростова — дочь «хороших» родителей, как ученица привилегированной школы, — такой, в сущности, затертый штамп, что от нее ничто не запоминается. Платон Каратаев — мужик, представитель русского народа, все штампованные и уже встречавшиеся поодиночке нам у десятков других русских писателей. Вся эта труппа собрана вместе, чтобы в расширенном составе проиграть условные события вокруг 1812 года.

Такой детский драматический спектакль получился. Тут даже и не столько вина национального Льва Николаевича, сколько жанр ущербный: роман-эпопея. Колосс на глиняных ногах. Халтура такая же, как «Старик и море».

Артиллеристский офицер Лев Толстой начинал, впрочем, хорошо: с талантливых «Севастопольских рассказов». Но его романы — литературная халтура. То же, что я высказал о «Войне и мире», можно сказать об «Анне Карениной» и «Воскресении». Они собраны из конструктора литературных штампов. Бытует мнение, что «Анну Каренину» Толстой написал из чувства ненависти к жене Софье Андреевне. Возможно, что и так, но, говоря о книге, та мораль, те побудительные мотивации, исходя из которых действуют герои книги, эта мораль светских семейств XIX века нам далека, как условия жизни на Луне. Сегодня, когда иная веселая москвичка может за день побывать в постелях трех разных мужчин, проблемы мадам Карениной кажутся достойными улыбки. Это не значит, что нужно равняться на веселую москвичку. Это значит, что мораль общества изменилась. Что, почитать тогда Великих Писателей как памятник архитектуры и старые книги? За выслугу лет? За патину времени?

Я в свое время внимательно прочел «Смерть Ивана Ильича». Ничего, кроме скучного любопытства, не испытал. Дело в том, что героизация обычного человека никогда не

может удаться. В нем нет ничего интересного, в обычном человеке. Он не достоин ни жалости, ни удивления. Потому и неудача.

Лев Толстой остался в памяти народной прежде всего как большой чудак. Пашущий барин, непротивленец злу насилием, писатель, которого церковь подвергла «анафеме», как густобородый, седобородый, обильнобородый старичок, возможно, не совсем в здравом уме. По-видимому, он перенял не сопротивление злу насилием у индийца Махатмы Ганди, но в национально-освободительной борьбе индийского народа против английских колонизаторов сопротивление злу было единственным возможным оружием. Сегодня подобные методы называют гражданским неповиновением. В России того времени общество по-разному решало проблему борьбы с кромешным самодержавием: народовольцы решали бомбами, буржуазные либеральные партии пытались идти легальным путем. Непротивление злу многих раздражало, но так как русская интеллигенция всегда была охоча до изуверства, то так же как она шла в хлысты, она шла и в толстовцы. Граф проповедовал учить народ, даже написал несколько аляповатых книжек для народной библиотеки. Все это, как и почтовые открытки с фотографиями Льва Николаевича, босиком идущего за плугом, — все это укладывается в рамках «чудаковатый барин», в чудаковатстве русские бары успешно соперничали с известными своей эксцентричностью англичанами. С английскими баронами. Открытки-фотографии Толстого, кстати говоря, пользовались большой популярностью, их продавали, как фото Элвиса Пресли. Я видел многие десятки этих коричневато-желтых раритетов с уважительными надписями, что-то вроде: «Граф Лев Николаевич Толстой в деревне такой-то за плугом», «Его сиятельство граф Лев Николаевич Толстой на террасе своего яснополянского имения за самоваром», или «Его сиятельство Лев Николаевич Толстой в своем яснополянском имении принимает почетного гостя, господина К., литератора». Рядом с Львом Николаевичем обычно, одетая в черные юбки и широкие шляпы, Софья Андреевна — конь с яйцами, по-видимому, попортившая ему немало крови. Именно от нее бежал восьмидесятилетний старец и заболел на станции в деревне Астапово, именно телеграмму о его смерти получила Софья Андреевна, а бесенята Ильф и Петров спародировали ее в известном «Графиня с изменившимся лицом бежит к пруду».

В юности Лев Толстой был гулякой. Тургенев вспоминает о периоде, когда Толстой останавливался у него на квартире, кажется в Москве, как Толстой приходил под утро, полупьяный, и грохался спать и спал до полудня. Известно также, что, как заправский феодальный сюзерен, еще лет до сорока Толстой имел привычку портить девок в деревнях, соседних яснополянскому имению. Утверждают, что до сих пор окрестные колхозники гордятся происхождением от графа Льва Николаевича и некоторые могут похвалиться соответствующими чертами — нос картошкой-бульбой, характерный обезьяний лоб, крупные уши.

Может показаться, что я недолюбиваю Льва Николаевича. Дело тут не в этом. Просто, на мой взгляд, творчество Толстого — банально, он не создал ничего удивительного. Одно эссе К. Леонтьева «Средний европеец как орудие всемирного разрушения» затмевает для меня все пухлые тома Толстого, полные воды. Что он сумел создать, и в этом он впереди своего времени — он создал свой «имидж». Профессионально, из чудачеств, из фотографий-открыток «Лев Толстой за плугом», «Лев Толстой за самоваром», из толстовства, из церковной анафемы: ел-пил так здорово, что любой современный пиаровец позавидует. Имидж работает до сих пор.

Толстой — писатель для хрестоматий, как Пушкин — поэт для календарей. Но он мало дает душе, от него не задыхаешься. Он не шампанский гений. А большинство собранных под этой обложкой священных монстров — шампанские гении. Толстой — плоский художник. Плоский и скучный, как русская равнина. Если бы не его персональные экстравагантности, вряд ли он был бы в этой обложке бок о бок со священными монстрами. Особенно спас его в моих глазах последний побег до Астапово. Возможно, его

посетила «иллюминация», и он увидел пошлость, ровную пошлость своих книг? Мы этого не узнаем. Вообще умереть в бою, в пути, под забором почетно. Умереть в своей постели постыдно.

Так что ленивый мальчик прав. Читать хочется то, что интересно, что открыл, отщипнул — вкусно, оказывается, ну и читаешь дальше. А картинки сражений посредством слов, так лучше посмотреть исторический телефильм или панораму Бородинской битвы. Лучше какого-нибудь причмокивающего Эдварда Радзинского поглядеть. По таким ленивым мальчикам и нужно определять, живая или мертвая уже книга, талантливая или нет. Дайте мальчику и проверьте. (Маловероятно, чтоб он отложил бы мой «Дневник неудачника».) Ориентироваться надо на мальчиков.

Лев Николаевич правильный писатель. Правильный для государства и Отечества. Написал на безопасную тему — о событиях далекого прошлого, как Михалков, хитрый унаследованным умом предков, выживавших при любом режиме, делает свои фильмы о бесспорном прошлом. По всей вероятности, Толстой в его время страдал уже «синдромом Солженицына» — ему хотелось своей «Войной и миром» навязать его видение истории. Как Солженицын, он изготовил тяжелое «Красное колесо» своего времени: «Войну и мир». Возможно, в XIX веке это был крик моды. Сегодня это неповоротливое, тяжелое сооружение, даже в тюрьме жаль тратить на «это» время. Как мексиканский сериал.

Константин Леонтьев в свое время написал остроумную статью: «Два графа: Толстой и Вронский», в которой доказывал, что без большой литературы великая нация как-нибудь проживет, а вот без строителя, созидателя, служителя государства Вронского — нет, не проживет. Это правильно. Прожили бы мы и без Льва Толстого.

Однако к кому бы тогда ездили писатели? Было модным ездить к старцу в Ясную Поляну. О приезжавших писали газеты. Благодаря объемным своим произведениям Лев Николаевич стал литератором тяжелого веса, что-то вроде Царь-пушки и Царь-колокола. Вот ему и поклонялись. Ездили и генералы и сановники. Авось чего скажет. И он всем что-нибудь говорил.